

Аксютин Юрий Михайлович, Тышта Елена Владимировна, Костюнина Анастасия Александровна, Каширина Мария Валерьевна, Лушникова Ольга Леонидовна, Игнатова Надежда Викторовна
ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЛИГИОЗНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ)

В работе представлен обзор подходов к анализу религиозности в условиях посттрадиционных трансформаций. Под действием трендов модернизации и традиционализма религиозная ситуация претерпела серьезные изменения. С одной стороны, обращение к традиционным идентичностям было неизбежным в условиях исчезновения интеграционной советскости. С другой стороны, в модернизирующемся мире традиционализм, в том числе и конфессиональный, переживает кризис. Изменился тип верующего, рационализируется процесс этноконфессиональной идентификации. Это противоречие в мире, еще сохраняющем черты традиционности, становится источником конфликтов прежних и новых коллективных идентичностей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/9-2/3.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (35): в 2-х ч. Ч. II. С. 21-24. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

HISTORICAL-LEGAL DISCOURSE OF JOURNAL "THE RUSSIAN HERALD" OF LIBERAL PERIOD

Adon'eva Inessa Gennad'evna, Ph. D. in History
Novosibirsk State Technical University
adoinessa@yandex.ru

The article is devoted to the description of the historical-legal discourse of the journal "The Russian Herald" of liberal period (1856-1862). The representatives of journal authors team, who participated in the formation of its historical-legal subject-matter, are revealed. The motives, dynamics and content of publications devoted to the past of domestic and foreign Justice are characterized. The role of "The Russian Herald" in the expansion of academic historical-legal knowledge is shown.

Key words and phrases: legal discourse; "The Russian Herald"; history of law; state-historical school.

УДК 101.1:316.77

Культурология

В работе представлен обзор подходов к анализу религиозности в условиях посттрадиционных трансформаций. Под действием трендов модернизации и традиционализма религиозная ситуация претерпела серьезные изменения. С одной стороны, обращение к традиционным идентичностям было неизбежным в условиях исчезновения интеграционной советскости. С другой стороны, в модернизирующемся мире традиционализм, в том числе и конфессиональный, переживает кризис. Изменился тип верующего, рационализируется процесс этноконфессиональной идентификации. Это противоречие в мире, еще сохраняющем черты традиционности, становится источником конфликтов прежних и новых коллективных идентичностей.

Ключевые слова и фразы: религиозность; конфессиональная идентичность; модернизация; традиционализм; неотрадиционализм; конфликт.

Аксютин Юрий Михайлович, к. филос. н.

Тышта Елена Владимировна, к. полит. н.

Костюнина Анастасия Александровна

Каширина Мария Валерьевна

Лушникова Ольга Леонидовна

Игнатова Надежда Викторовна

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

aksutum@mail.ru; tyshta@mail.ru; polnoch88@mail.ru; prostoverner@mail.ru; oltolt@mail.ru; nadja11b@mail.ru

**ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЛИГИОЗНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ)[©]**

*При поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»
на 2009-2013 годы (соглашение: 14.В37.21.0511).*

Трансформации двух последних десятилетий привели к качественным изменениям в жизни российского общества. Помимо перестройки существующих социально-экономических основ, изменения коснулись сознания людей. Одной из наиболее ярких перемен стало изменение религиозной ситуации в современной России.

После распада «социалистического сообщества», исчезновения внеконфессиональной советской идентичности и идеологии, задачи восстановления целостности общества и обретения новой групповой идентичности делали практически неизбежным обращение к прошлому, к традиционным и локальным идентичностям. Это способствовало появлению в литературе и СМИ точки зрения, согласно которой консолидация постсоветского российского социума будет базироваться на возросшей роли традиции, в том числе конфессиональной, что сопровождалось реконструкцией и строительством культовых сооружений, приданием религиозным праздникам государственного статуса и усилением взаимной поддержки между государственной властью с Русской православной церковью, тем самым предоставив заинтересованным сторонам лишний повод для взаимных обид, конфликтов или манипуляций.

Другой стороной обозначенного процесса выступают все более зримо разворачивающиеся процессы глобализации и модернизации, которые обострили кризис традиционализма. Ценности, традиции и идентичности, в том числе и конфессиональные, больше не воспринимаются как неизменные, они ставятся под сомнение. Модернизация обозначила необходимость их осознанного отбора, что в современном мире, еще сохраняющем черты традиционализма, становится источником противостояния прежних и новых коллективных идентичностей, а ревитализация конфессиональных и тесно с ними связанных этнических традиций, еще совсем недавно выступавших основой возрождения этноконфессионального самосознания, суверенитета, культурного самоопределения, выступает фактором эскалации конфликтов на общероссийском и региональном уровнях.

[©] Аксютин Ю. М., Тышта Е. В., Костюнина А. А., Каширина М. В., Лушникова О. Л., Игнатова Н. В., 2013

В контексте сказанного становится очевидной значимость анализа религиозных установок и трансформации этноконфессиональной идентичности в постсоветской России. Это особенно актуально в тех регионах, где представители разных этносов и конфессий взаимодействуют «лицом к лицу».

Как выглядит религиозная ситуация в России и Хакасии? Действительно ли происходит рост религиозности населения, и каковы его причины? Будет ли он способствовать консолидации и адаптации населения к изменениям социокультурной ситуации или станет фактором эскалации конфликтов на основе ценностно-идентификационных различий?

Прежде чем анализировать данные по Хакасии, следует обратиться к общероссийской тенденции. Большинство исследователей выделяют следующие характерные черты российской религиозности. Как в советский, так и в постсоветский период, большинство верующих – это женщины, люди с невысоким уровнем образования и пожилые люди. В группе неверующих преобладают мужчины, люди с достаточно высоким (среднее специальное и высшее) уровнем образования и молодые люди [7, с. 105]. Однако ряд авторов (М. П. Мчедлов, Э. Г. Филимонов) придерживаются иной характеристики современной религиозной ситуации и отмечают, что она претерпела значительные изменения [4, с. 103-105]. Появляется новый тип верующего – это молодой или среднего возраста человек с полным средним или высшим образованием [6, с. 206]. Важно отметить, что характеристика этого типа верующего не ограничивается возрастом и образованием, но дополняется следующими элементами: осознанный (рефлексивный) отбор и исполнение религиозных обычаев и ритуалов; функциональная (в отличие от эссенциальной, т.е. предписывающей) самоидентификация с той или иной религиозной традицией. Это явление получило в научной литературе обозначение «этноконфессиональный неотрадиционализм» – ориентация индивидуального, группового и общественного сознания на непротиворечивое сочетание модернизации и традиций, форм жизнедеятельности и сценариев социальных отношений [1; 2]. Неотрадиционализм сегодня видится многим реальной альтернативой процессам унифицирующей модернизации и консервативной традиционализации, когда традиция подвергается целерациональному отбору и транслируется в обход классических механизмов: от родителей к детям.

По нашему мнению, анализу характера, причин трансформации и определению вектора развития религиозности молодежи следует уделить особое внимание, поскольку эта социальная группа имеет существенно отличающуюся от старшего поколения систему ценностей, формируется в условиях отсутствия ясной цели социокультурного развития и открытости общества. В борьбу за «умы и души» молодого поколения включились «старые» и «новые» религиозные организации, нередко разыгрывающие карту тесной связи конфессиональной и этнокультурной идентичности.

Предварим анализ сложившейся религиозной ситуации некоторыми замечаниями методологического характера. Не секрет, что характеристика религиозности в условиях современных трансформаций имеет свои сложности. Они связаны, прежде всего, со спецификой проявления этого феномена в социальной реальности, невозможностью строго рационального понимания иррациональных факторов поведения. В научной литературе не прекращаются споры по проблемам определения критериев и степени религиозности. Кого считать религиозным: переживающего особое субъективное чувство, называемое верой? Тогда мы наверняка получим данные, свидетельствующие о росте религиозности (60-70%). Если же учитывать дополнительные критерии (частота посещения храмов, знание молитв, исполнение обрядов), число верующих может уменьшиться до статистически незначимых 5-7% [3]. Однако исполнение культа также не может быть адекватным показателем религиозности, поскольку не учитывает такие явления как, например, «сезонные верующие», чья религиозность связана с религиозными праздниками.

По-видимому, более корректной будет позиция, в которой главным критерием признается самоидентификация респондента. Вместе с тем, анализ религиозности должен включать в себя учет поведенческих особенностей различных групп населения в отношении культа. Поэтому необходимо учитывать различные типы верующих и неверующих групп населения.

По данным исследования, проведенного в республике Хакасия в 2007 г. [5], идентифицирует себя с православием большинство населения – 68,6%. Другие конфессии (католицизм – 0,1%, протестантизм – 0,6%, ислам – 1,8%, буддизм – 0,2%, иудаизм – 0,1%, старообрядчество – 0,6%, язычество – 0,6%, шаманизм – 0,3% и др.) представлены значительно меньше. Вариант «другую» выбрали 0,7%, а «никакую» – 25,7% респондентов. Некоторые респонденты в 2007 г., как это следует из результатов исследования, не идентифицировали себя как верующих, но в то же время считали себя приверженцами тех или иных конфессий (исповедующих православие – 68,6%, всех верующих вместе взятых – 60,8%). Проявил себя известный феномен массовых опросов, когда конфессиональная принадлежность воспринимается как одна из характеристик этнической и культурой идентичности, традиции, принадлежность к которым для респондентов естественна. Интересно, что 11,3% православных и 6,3% мусульман ответили, что колеблются между верой и неверием, а 6,7% «православных» и 6,3% «мусульман» вообще заявили тогда, что не верят в Бога. Справедливости ради отметим, что такие данные были только по двум конфессиональным группам, но подтверждают наличие рефлексивной связи между этничностью и конфессиональной принадлежностью.

В 2013 г. идентифицировали себя с православием по-прежнему большинство – 55,2%, но укрепили свои позиции и другие конфессии (католицизм – 2,1%, протестантизм – 1,1%, ислам – 0,3%, старообрядчество – 0,7%, язычество – 1,0%, шаманизм – 3,6%). Число верующих за прошедшие шесть лет увеличилось (68,5% в 2013 г.) за счет сокращения числа неверующих (с 22% в 2007 г. до 13,4% в 2013 г.)

и относящихся индифферентно (в 2007 г. – 25,7%, а в 2013 г. – 14,6%). Практически не изменилось число колеблющихся (2007 г. – 13,5%, 2013 г. – 13,2%)¹.

Как и в 2007 г., некоторые респонденты в 2013 г. не идентифицировали себя как верующих, но в то же время считали себя приверженцами тех или иных конфессий, подтверждая сохранение связки между конфессиональной принадлежностью и этнокультурой идентичностью.

Касаясь религиозной идентичности молодых и среднего возраста респондентов, отметим, что неверующих в возрастной группе 18-24 лет в 2007 г. было 23,1%, а колеблющихся – 21,4%. К верующим себя отнесли 51,7% молодых респондентов, из них только 8,1% исполняют обряды и ритуалы. В 2013 г. в той же возрастной группе было неверующих только 9,9%, а колеблющихся – 18,2%. Назвали себя верующими 67% молодых респондентов, из них 18,2% исполняют обряды и ритуалы.

Среди респондентов среднего возраста (25-34 года) верующих в 2007 г. было 67,5%, но только 8,9% исполняют обряды и ритуалы. Неверующих – 19,7%. Колеблющихся в этой группе было 8,9%. По итогам исследования 2013 г. в этой возрастной группе верующих было 60,7%, из которых исполняют обряды и ритуалы 15,2%. Неверующих было 19,4%, а колеблющихся – 13,3%.

Опираясь на критерий самоидентификации респондента, можно констатировать не только рост религиозности молодых респондентов, но и рефлексивность процесса конфессиональной идентификации, которая имеет скорее социокультурную природу, нежели биологическую.

Что касается образовательного уровня типологических групп, то результаты опроса 2013 г. не подтвердили общероссийскую тенденцию. Процент верующих среди образованных людей оказался достаточно высок. Для сравнения: в группе активно верующих лиц с высшим образованием было 13,8%, среди пассивно верующих – 53,3%, тогда как у воинствующих атеистов таковых 1,2%. У безразлично относящихся к религии – 7,2% и у неверующих, воспринимающих религию положительно, – 6,6% респондентов с высшим образованием. Среднее специальное образование имеют 21,5% активно верующих; 46,6% пассивно верующих; 6,9% не верующих, относящихся положительно, 6,0% – относящихся безразлично и 1,2% активных атеистов.

Учитывая все методологические условности, можно констатировать, что популярность религии у жителей региона достаточно высока. Расхождения среди исследователей начинаются при оценке возрастных характеристик и образовательного уровня верующих, количество которых среди молодежи и представителей среднего возраста различается незначительно. Уменьшение числа верующих среди представителей среднего возраста сопровождалось повышением числа тех, кто исполняет религиозные обряды и ритуалы. Что касается образовательного уровня респондентов, то строгой корреляции с религиозностью здесь не обнаружено. Интерес вызывает тот факт, что к верующим, но не исполняющим религиозные обряды и ритуалы (т.н. пассивные верующие), себя отнесла почти половина всех респондентов.

В заключение отметим, что этноконфессиональные идентичности выступают в современном обществе факторами сопротивления как давлению глобализации, стремящейся усреднить и стандартизировать социокультурное разнообразие, так и консервативной традиционализации, угрожающей изоляционизмом и фетишизацией этнокультурных и конфессиональных различий. Конфессиональность сегодня является скорее этнокультурной, а не исключительно религиозной категорией. Этноконфессиональный неотрадиционализм как процесс непрерывного воспроизводства традиции и ее видоизменения, адаптации к современным условиям находит свое выражение в ограниченном следовании «образцу» и развитии традиции за счёт инкорпорации новаций. Сохраняются и восстанавливаются те традиции, в которых существует потребность, и которые имеют адапционный потенциал. Происходит вымывание сакрального смысла религиозных традиций в пользу привнесения в этот процесс рациональности, доминирование публичных каналов трансляции традиций (религиозные праздники) над приватными. Можно предположить, что так же будет складываться ситуация в других «национальных» регионах, где титульный этнос христианизирован, либо традиционная религия не является высоко институционализированной и не может стать основой традиционалистского сопротивления.

Список литературы

1. **Аксютин Ю. М.** Между традиционализацией и модернизмом: идентичность и специфика межкультурной коммуникации (на примере Хакасии) // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2012. Специальный выпуск по материалам декабрьских научных чтений. С. 108-112.
2. **Анжиганова Л. В.** Этнический неотрадиционализм в условиях социальных трансформаций // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 6. С. 438-440.
3. **Каарийнен К., Фурман Д.** Религиозность в России в 90-е годы // Старые церкви, новые верующие: религия в массовом сознании постсоветской России. М.: Летний сад, 2000. 248 с.
4. **Мчедлов М. П., Филимонов Э. Г.** Социально-политические позиции верующих в России // Социс. 1999. № 3. С. 103-107.
5. **Религиозно-нравственное сознание населения Республики Хакасия: проблемы и перспективы развития** / под ред. В. Г. Ибрагимовой. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2007. С. 76-87.
6. **Социальная и культурная дистанция: опыт многонациональной России** / отв. ред. Л. М. Дробижина. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2000. 338 с.
7. **Элбакян Е. С., Медведко С. В.** Влияние религиозных ценностей на экономические предпочтения верующих россиян // Социс. 2001. № 8. С. 103-111.

¹ Социологическое исследование (июнь-август 2013 г.), осуществленное в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (Соглашение от 06.08.2012 г. № 14.В37.21.0511) по теме: «Надэтническая идентичность: анализ состояния и оценка потенциала оптимизации региональной модели межкультурного взаимодействия». Выборочная совокупность – 718 чел.

**RELIGIOSITY TRANSFORMATIONS IN POST-SOVIET RUSSIA
(BY EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF KHAKASSIA)**

Aksyutin Yurii Mikhailovich, Ph. D. in Philosophy
Tyshta Elena Vladimirovna, Ph. D. in Political Sciences
Kostyunina Anastasiya Aleksandrovna
Kashirina Mariya Valer'evna
Lushnikova Ol'ga Leonidovna
Ignatova Nadezhda Viktorovna

Khakass State University named after N. F. Katanov

aksutum@mail.ru; tyshta@mail.ru; polnoch88@mail.ru; prostoverner@mail.ru; oltolt@mail.ru; nadja11b@mail.ru

The article presents the overview of approaches to the analysis of religiosity in the conditions of post-traditional transformations. Under the influence of modernization and traditionalism trends religious situation underwent major changes. On the one hand, reference to traditional identities was inevitable under the conditions of integrative –sovietness” disappearance. On the other hand, traditionalism, including confessional one, is in crisis in the modernizing world. The type of the believer has changed; the process of ethnic-confessional identification is rationalized. This contradiction in the world, still retaining the features of traditional nature, becomes a source of conflicts between old and new collective identities.

Key words and phrases: religiosity; confessional identity; modernization; traditionalism; neotraditionalism; conflict.

УДК 94(47):084.5

Исторические науки и археология

Рабселькоровское движение с первых лет Советской власти получило активную поддержку большевистской партии, но организационное его оформление произошло в середине 1920-х годов. Причем массовое селькоровское движение как в стране в целом, так и в Пензенской губернии стало развиваться на несколько лет позже рабкоровского. Редакции пензенских газет считали работу с сельскими корреспондентами одним из самых важных направлений деятельности. Рассмотрению ее особенностей на примере губернской газеты «Новая деревня» и посвящена статья.

Ключевые слова и фразы: рабселькоровское движение; рабкор; селькор; лжеселькор; памятка сельскому корреспонденту.

Акулова Марина Николаевна

Пензенский государственный университет

amn1987@mail.ru

СЕЛЬКОРОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-Е ГГ. ©

Рабселькоровское движение зародилось в конце XIX века, когда российские социал-демократические организации вели борьбу с самодержавием. С первых лет Советской власти оно получило активную поддержку большевистской партии, но организационное его оформление произошло в середине 1920-х годов.

Массовое селькоровское движение стало развиваться на несколько лет позже рабкоровского. Это было связано с укладом жизни деревни, низким уровнем грамотности и политической активности, высокой степенью занятости сельского населения. Тем не менее, в целом по стране на 1 января 1926 года действовало 135 крестьянских газет, в которых трудилось свыше 160 тысяч селькоров [2, д. 240, л. 5].

В Пензенской губернии в начале 1920-х гг. одним из самых передовых крестьянских изданий была губернская газета «Новая деревня». Газета зародилась в 1923 году в качестве приложения к изданию «Трудовая правда», в 1924 году обрела относительную самостоятельность, но закрылась в июле 1928 года в связи с разделением губернии на Саранский и Пензенский округа. Обслуживанием Саранского округа стала заниматься газета «Завод и пашня», а на Пензенский округ распространила все свое влияние «Трудовая правда».

Работа с сельскими корреспондентами была одним из самых важных направлений деятельности «Новой деревни». По мере активизации деятельности партийного руководства в области рабселькоровского движения газета стала активнее привлекать сельских жителей к сотрудничеству. К маю 1925 года число селькоров возросло до 399, а к маю 1926 года – до 563. Всего с газетой «Новая деревня» в период с 1924 г. по 1926 г. сотрудничали около 1500 селькоров [5, с. 2; 6, с. 5].

С сентября 1926 года в связи с организацией селькоровского отдела при редакции стал осуществляться крупномасштабный переучет корреспондентов. Сотрудниками отдела была разработана новая анкета для